

УДК 911.53

МАТЕРИАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА МОСКВЫ КАК СТОЛИЧНОГО ГОРОДА

© 2023 г. В. А. Колосов^а, *, М. В. Зотова^а, **, А. И. Александрова^б, ***, А. С. Карасев^б, ****

^аИнститут географии РАН, Москва, Россия

^бМосковский государственный университет имени М.В. Ломоносова, географический факультет, Москва, Россия

*e-mail: vladimirkolossov@gmail.com

**e-mail: zotova@igras.ru

***e-mail: alkssssss@yandex.ru

****e-mail: karasyovalex@yandex.ru

Поступила в редакцию 28.03.2023 г.

После доработки 21.08.2023 г.

Принята к публикации 22.09.2023 г.

Политический ландшафт включает широкий круг материальных и нематериальных феноменов. Облик столицы — это не только запечатленная в сооружениях и монументах политическая история государства, но также отражение представлений национальной элиты о его социальной опоре, перспективах развития, внешнем мире, многообразные социальные представления о пространстве. Материальные средообразующие объекты, представительские здания органов федеральной и региональной власти, памятники и мемориалы играют особую символическую роль как доминирующие категории матрицы новых репрезентаций. Цель настоящего исследования — проследить этапы эволюции важнейших материальных элементов политического ландшафта на примере памятников и зданий государственных учреждений Москвы посредством анализа их структуры, периодов возникновения и особенностей размещения. Изучены особенности современного распределения здания органов власти и памятников на территории города. Подтверждена исторически сложившаяся гиперконцентрация правительственных зданий в центре столицы или вблизи него. Выделены два крупных ареала их высокой концентрации: в районе Лубянки, Китай-города, Старой и Новой площадей и в пределах делового комплекса «Москва-Сити». Несмотря на перенос ряда федеральных ведомств за пределы центра, заметной пространственной децентрализации управленческих функций столицы пока не произошло. География памятников повторяет общие закономерности планировки столицы. В их размещении проявляется радиально-кольцевая и секторальная структуры города, а также специализации отдельных районов. Безусловными доминантами ландшафта являются памятники, посвященные героям и событиям Великой Отечественной войны (более 40% от общего числа монументов), составляющей одну из опор современной российской идентичности. В основе значимости многих столичных памятников лежит мощный многолетний дискурс. Несмотря на возведение монументов реабилитированным общественным и политическим деятелям, жертвам новых войн и террористических актов, а также памятников православной тематики, монументальный ландшафт столицы за постсоветский период кардинально не изменился.

Ключевые слова: политический ландшафт, Москва, памятники, правительственные здания, органы федеральной и региональной власти, столица, городская среда, облик столицы

DOI: 10.31857/S2587556623080095, **EDN:** HMIUIQI

ВВЕДЕНИЕ

Тесная связь социального и политического пространства с пространством физическим выражается, в том числе, в росте исследований, отражающих территориальное распространение объектов, процессов и явлений, имеющих символическое значение. При этом в общественных науках часто метафорически используется физико-географический термин «ландшафт», фиксирующий структурное разнообразие, контраст-

ность и неоднородность определенного общественно-политического явления по территории (Гриценко, 2017), например дифференциации итогов голосования за разные партии и кандидатов. При этом употребляется несколько терминов, а именно политический, символический и культурный ландшафт. Их соотношение не всегда четко определено: во многих работах они рассматриваются как вместе, так и отдельно, считаются близкими или пересекающимися понятиями, или составными частями друг друга.

Культурный ландшафт остается наиболее разработанным и распространенным понятием. Под ним понимают ландшафт, формируемый людьми и воплощаемый в системе артефактов и символических объектов и отражающий в первую очередь традиции, историческое развитие территории, этнокультурные и политические процессы [см., например, (Веденин, Кулешова, 2001; Каганский, 2001; Калуцков, 2008)]. Символический ландшафт, как правило, рассматривается более узко — скорее как совокупность символических объектов, образующих некий смысловой ряд, в том числе представляющий собой материальное проявление политической культуры. По нашему мнению, политический ландшафт — более широкое понятие, чем символический. Эти понятия самостоятельны, но в значительной степени пересекающиеся.

Работ, где термин “политический ландшафт” используется как концептуальная основа исследования, сравнительно мало. Он был введен в научный оборот Дервентом Уиттлси и Ричардом Хартшорном в 1940–50-х годах, затем развивался и использовался Дэнисом Косгроувом. Д. Уиттлси трактовал политический ландшафт сравнительно узко — как результат воздействия властей на культурный ландшафт в виде строительства оборонительных сооружений, пограничных заграждений и другой необходимой государству инфраструктуры. Эта деятельность рассматривалась как способствующая гомогенизации политического ландшафта в пределах государственных границ (Whittlesey, 1944). Р. Хартшорн в соответствии с предложенным им широко известным функциональным подходом интерпретировал политический ландшафт как отражение противоборства центростремительных сил, способствующих единству и территориальной целостности государства, и центробежных сил, ведущих к его дезинтеграции (Hartshorne, 1950). Д. Косгроув понимал политический ландшафт как способ выражения господства, контроля и доминирования правящего класса или классов над территорией (Cosgrove, 1998; Kliot and Mansfeld, 1997). Обобщая взгляды этих авторов, можно определить политический ландшафт как территориально локализованный набор объектов и процессов, отражающих идеологию, политические ценности и нормы, демонстрирующих идеологический контроль правящего режима и/или определенных социальных групп над территорией.

С середины 1990-х годов российские авторы определяли политический ландшафт как совокупность параметров политического процесса и политической культуры, свойственных некоторой территории (Kolosov, 1997; Туровский, 1995). А.А. Гриценко (2017) понимает политический ландшафт как фон, арену и способ существования исторической памяти и территориальной идентичности населения, отражение культуры

территориальных сообществ и одновременно направляющими их самосознания. В этих работах политический ландшафт апеллирует к реальному миру объектов и явлений, их социальной составляющей, отражая тесную взаимосвязь между долговременным процессом освоения и обустройства индивидами или сообществами жизненного пространства и ситуативным процессом наполнения его смысловым и символическим содержанием (Идентичность ..., 2017). С 2000-х годов во многих исследованиях, посвященных трансформации политического ландшафта, его преобразования рассматривались как материальные изменения в виде переноса или сноса старых памятников и установки новых [см., например, (Гайдай, Любарев, 2016)], появления новых мемориалов, музеев, мемориальных досок, храмов, посвященных каким-либо событиям или персонам, топонимов и т.п. Одновременно анализировались нематериальные носители символов, обычно тесно сопряженные с материальными — парады, праздники, официальные церемонии. В центре внимания были сдвиги в незримых свойствах и интерпретации символического значения материальных объектов, вытекающей из политических интересов, ориентаций и стратегий взаимодействующих акторов (Идентичность ..., 2017).

Семиотический подход к понятию и структуре политического ландшафта фокусируется на единстве процессов интеграции семиозиса в идейные и символические элементы ландшафта. В рамках этого подхода О. Лавренова и П. Адамс рассматривают политический ландшафт как слой семиосферы, матрицу, в которой культурные коды, выраженные в символической форме, проявляются материально и закрепляются на территории (Adams and Lavrenova, 2023). Они находят особенно глубокую аккумуляцию смысла в памятниках, мемориалах и статуях, привязывающим коллективную память к конкретным координатам и укрепляющим коллективные воспоминания социальной группы о месте. Типология культурного переосмысления памятников и мемориалов Ф. Беллентани (2021) основана на идее о том, что в семиотических терминах их можно считать “текучими”, приобретающими новые значения в разных исторических/культурных контекстах.

Таким образом, в качестве элементов политического ландшафта можно рассматривать широкий круг материальных и нематериальных феноменов — от системы расселения (разделение сельских поселений на перспективные и обреченные на исчезновение) до особенностей архитектуры, политических символов, монументов, уличной рекламы и типичных форм политического поведения. Многие элементы политического ландшафта представляют собой одновременно и части символического капитала страны, региона или населенного пункта.

Городской политической ландшафт, особенно в столицах, гораздо разнообразнее сельского. Городская среда столиц содержит богатый и многослойный материал для исследователей разных специальностей, изучающих формирование и эволюцию территориальных идентичностей разных уровней — национальной (общегосударственной), региональной, городской, а также этнической в различные исторические периоды. Д. Эгню (2011) писал, что ассоциирование людьми себя с определенной территорией как часть их коллективной идентичности включает привязанность к типичному культурному и политическому ландшафту.

На большую символическую роль памятников в России указывали зарубежные исследователи. Дж. Пэллот (1999) отмечала, что памятник Петру I в Санкт-Петербурге (“Медный всадник”) или памятник Пушкину в Москве в разные исторические эпохи служили местами сбора участников протестных движений. Более того, памятники считают центральным элементом проекта национального строительства в постсоветской России, результатом борьбы между элитами за возможность создать “легитимную” историю (Forest and Johnston, 2002). Именно памятники свидетельствуют об изменении семиотических траекторий и “взрывах”, когда один или несколько пластов семиотического пространства претерпевают кардинальные трансформации и порождают разнонаправленные прочтения ландшафта (Lotman, 2020). Облик столицы — это не только запечатленная в сооружениях и монументах политическая история страны, но также отражение представлений национальной элиты о его социальной опоре, перспективах, внешнем мире (Berlin—Washington ..., 2007). Как подчеркивает французский географ Б. Дебарбье (2021), множественные коллективные социальные представления о пространстве — не только атрибут общественной жизни, но более того — условие его существования, фон и мотивация действий (Débarbieux, 2021).

Семантика городской среды и политического ландшафта города складывается в результате наложения многих исторических слоев и представляет собой своего рода палимпсест, определяя уникальность как столицы в целом, так и отдельных ее кварталов. Особую роль в этом процессе играют материальные средообразующие объекты — дворцы знати, религиозные сооружения, крепости, различные монументы, деловые центры — средоточия политико-административных и других важных функций главного города страны. Как правило, материальные элементы политического ландшафта существуют на протяжении жизни нескольких поколений, нередко — веков, а иногда и тысячелетий. В отличие, например, от литературных нарративов они адресованы всем жителям и становятся неотъемлемой частью сложившегося у них образа города и территориальной идентичности,

ассоциируются с определенными событиями, идеями, личностями.

В политическом ландшафте столиц важное место занимают также здания ведущих государственных учреждений, часто являющиеся выдающимися архитектурными сооружениями, историческими символами и памятными местами. Они тщательно охраняются, но в то же время служат туристическими объектами. Наряду с топонимией эти объекты становятся доминирующими категориями описания места и задают дальнейшую эволюцию его символики в качестве своего рода матрицы новых репрезентаций (Лавренова, 2009).

Цель настоящего исследования — проследить этапы эволюции важнейших материальных элементов политического ландшафта на примере памятников и зданий государственных учреждений Москвы посредством анализа их структуры, периодов возникновения и особенностей размещения.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БАЗА И МЕТОДЫ

Информационной основой исследования стала созданная авторами база данных, включающая, во-первых, обработанные сведения о расположении федеральных государственных учреждений — Администрации президента, Федерального собрания, федеральных министерств и ведомств, включая адрес, район города, год постройки, архитектурный стиль, предыдущее назначение и дополнительную информацию, размещенную на их официальных сайтах. В перечень рассматриваемых объектов включены также здания органов исполнительной и законодательной власти Москвы и Московской области — крупнейших по численности населения субъектов РФ. Однако мы не сочли возможным учитывать 125 муниципальных образований — районов, на которые делится Москва, поскольку они несопоставимы по значимости с федеральными и городскими (областными) учреждениями, более или менее равномерно распределены по территории города и многие из них размещены в приспособленных помещениях, нередко на первых этажах жилых домов.

Источниками информации о дате постройки зданий, где размещаются органы федеральной и региональной власти, послужила интерактивная карта “возраста домов” городов России сайта *How old is this house*¹, о предыдущем назначении зданий и архитектурном стиле — сайт *Wikimapia.org*, а также визуальные наблюдения. При помощи метода автоматизированного геокодирования места расположения объектов были привязаны к виртуальной карте в ГИС-проекте, созданном в картографическом сервисе *QGIS*. Качественный анализ проводился на основе кросс-

¹ <https://kontikimaps.ru/how-old/moscow?p=h-msk> (дата обращения 16.07.2022).

анализа сведений о местоположении зданий и прочей вспомогательной информации для выявления пространственных закономерностей их размещения на территории Москвы.

Количественный анализ заключался в расчете расстояния между условной точкой, являющейся центром Москвы (геометрический центр Красной площади), и правительственными зданиями (геометрический центр строения) при помощи построения матрицы расстояний в ГИС-пакете QGIS. Затем из дискретного изображения явления (отдельные точки) с помощью ядерной оценки плотности (*kernel density estimation*) в ГИС-пакете QGIS было составлено континуальное представление (поле плотности). Результатом ядерной оценки плотности стал растр (регулярная сетка), где относительно каждой ячейки (размера 10×10 м) в радиусе 1000 м подсчитывается количество исследуемых объектов.

В базу данных была также включена систематизированная информация о местоположении, дате установки, тематике и предыстории появления памятников, имеющих политическую коннотацию, выбранных из полного перечня более чем 900 памятников Москвы (Памятники ..., 2016). Эти сведения позволили выделить 10 категорий памятников. Хотя распределение памятников по категориям получилось неравномерным, было важно сохранить ряд смысловых категорий (например, православные памятники и памятники, посвященные дружбе народов). Кроме того, установка памятников рассматривалась в исторической ретроспективе, в рамках которой были выделены условные исторические этапы: дореволюционный (до 1917 г.), раннесоветский (с 1917 по 1954 г.), позднесоветский² (с 1955 по 1991 г.) и постсоветский с 1992 г.

В число рассматриваемых памятников включены монументы, посвященные событиям прошлого и персоналиям — политическим деятелям, военачальникам, деятелям искусства и культуры. Выбор этих событий и фигур носит политический характер. С интерпретацией исторических событий и деятелями прошлого связаны осознание людьми общности с великими предками, основателями государства, защищавшими его от врагов, развивавшими экономику и культуру, совершившими деяния, позволяющие потомкам гордиться своей страной или городом, выдвинувшими идеи, сохранившими для граждан высокую ценность и актуальность до текущих дней (Лавренова, 2022). Оценка значимости известных личностей — важный фактор и одновременно элемент территориальной идентичности, ассоциации себя со своей страной, регионом, городом или местностью (Kolosov and O’Loughlin, 2017). До распада СССР

важную идеологическую роль играли монументы революционерам и руководителям КПСС. Идеологическую роль выполняли также скульптурные композиции, посвященные профессиональным рабочим сообществам, призванные символизировать официальное уважение важнейшим профессиям и подчеркнуть, что Советский Союз — “государство рабочих и крестьян”. Политический характер, особенно в советское время, носил и отбор иностранных фигур. Сооружение им памятника отражало официальное отношение к их деятельности (например, А. Линкольна, отменившего рабство в США, или Г. Гейне, идеолога тайного революционного общества “Молодая Германия”) и/или было знаком дружественных отношений с определенной страной (памятники М. Ганди или А. Навои).

Согласно многочисленным опросам, одно из главных исторических событий, вызывающее наибольшую гордость россиян и ставшее краеугольным камнем национальной идентичности, — победа в Великой Отечественной войне. Посвященные ее героям и вехам памятники во всех уголках страны — важнейшая часть политического ландшафта России. Его неотъемлемый элемент — также памятники защитникам Отечества и правопорядка в мирное время — воинам-афганцам, служащим органов внутренних дел, погибшим при исполнении служебного долга, и т.п.

Не рассматривались абстрактные памятники (“Дорогу утятам”, Парису и Елене и т.п.) и памятные знаки, посвященные событиям, не носившим политического характера (например, жертвам катастроф). Локализация памятника в большинстве случаев указывалась в двух формах: адрес ближайшего к памятнику строения или набор ориентиров. В первом случае применялся метод автоматизированного геокодирования, суть которого состоит в привязке объекта на карте по адресу. В результате был получен набор точек, каждая из которых соответствовала одному монументу. Во втором случае в исходном материале указывался перекресток улиц или расположенный поблизости значимый объект (например, сквер или парк), в ГИС-проекте загружался плагин QuickMapServices, позволяющий просматривать имеющиеся карты разных сервисов (Google, OpenStreetMap, Яндекс и др.), затем памятник наносился на схему поверх этого изображения вручную. Для оптимального отображения распределения памятников была применена ядерная оценка плотности (*kernel density estimation*) картографического сервиса QGIS.

ОСОБЕННОСТИ И СОСТАВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА СТОЛИЦ

Одна из наиболее характерных черт в облике столиц — символика модернизации, обновления

² Условной датой деления советского периода на ранний и поздний считалась смерть И.В. Сталина.

страны, ее достижений в науке, технике и искусстве, воплощенных в планировочной структуре, уникальных общественных, в том числе правительственных, зданиях, крупных проектах, инфраструктурных сооружениях. В этом сказывается и потребность крупного международного бизнеса в унифицированной, соответствующей определенным стандартам “принимающей среде”. Такую унифицированную среду сравнительно легко воспроизвести, контролировать и обновлять в соответствии с известными образцами — во всяком случае, гораздо легче, чем модернизировать под новые политические нужды исторически сложившийся город (Scott, 1999).

Однако унифицированная среда плохо выполняет другую главную функцию столичной символики. По выражению американского политолога Л. Вейла, столицы — это места, в которых власть, историческая память и культура воплощаются в камне, чтобы создать образ сплоченной и сильной нации, и где символически интегрируются социальное, этническое, религиозное и политическое разнообразие страны (Stephens, 2013; Vale, 2008). Поэтому столица очень часто способствует или непосредственно служит брендом страны, подобно тому, как, например, Париж тесно ассоциируется за рубежом с Францией в целом.

Общественное мнение и часть элиты, как правило, противятся замене исторической застройки и отдельных зданий, даже не имеющих в отдельности культурной ценности, на модернистские унифицированные проекты. Характерный пример — Анкара, жители которой высоко ценят малоэтажные улицы исторического центра, постепенно исчезающие с карты города в ходе нового строительства (Sargin, 2004). Подобные тенденции были обобщены в концепции города-метиса, подразумевающей сочетание модернистских (техно)стилей с гибким подходом к сложившейся застройке, находящейся в процессе непрерывной, но не радикальной эволюции (Scott, 2021), работающей на укрепление национальной идентичности и апеллирующей к национальной архитектуре, символике, нарративам, героям.

Одна из наиболее разработанных тем в политической географии, связанных с семантикой городской среды столичных городов, — перенос столичных функций: выбор новой столицы, который сам по себе символичен, ее планировка, архитектура правительственных учреждений и др. Во многих странах, особенно с федеративным государственным устройством, выбор столицы представляет собой компромисс между наиболее влиятельными региональными и городскими элитами или крупнейшими этническими сообществами. Столица часто размещается на специально выделенной территории, не входящей ни в один субъект федерации (например, Оттава или Канберра),

и в специально выстроенном новом городе (например, Бразилиа), в облике которого центральным властям легче воплотить свои представления о политической нации, ее происхождении, месте в мире и исторической миссии (Россман, 2013) и тем самым добиваться своих политических целей.

Главной из них обычно бывает укрепление идентичности нового государства. Таков случай переноса столицы независимого Казахстана ближе к географическому центру страны, в Астану, которая фактически представляет собой новый город, выстроенный рядом со старым, но модернизированным областным центром. Ее городское пространство выражает глубину традиций, истории и культуры казахского народа как государствообразующего и вновь обретшего численное большинство в населении. Ярче всего эта идея воплощена в таких сооружениях, как башня Байтерек, ставшая местом паломничества туристов, мечети, Национальный музей и торгово-развлекательный центр Хан Шатыр, спроектированный звездой современной мировой архитектуры Норманом Фостером. Вместе с тем облик Астаны не отвергает и аллюзии на советское прошлое и тесные связи с Россией и включает интернациональные мотивы как символ модернизации и современности. Архитектура президентского дворца наряду с национальными символами воспроизводит некоторые черты вашингтонского Белого дома, а других правительственных зданий — европейских архитектурных стилей (Thorez, 2019).

В подходе к анализу городского политического ландшафта можно выделить, во-первых, изучение *материальных знаков* (символов). Их носителями могут выступать планировка и вся застройка города, если они типичны для исторических городов страны, и инфраструктура (например, Останкинская телебашня в Москве, долгое время остававшаяся самой высокой в мире), религиозные сооружения, университеты, представительские здания, в первую очередь правительственные. Сами их названия становятся политическими акторами и символами (“Белый дом заявил...”, “в Кремле приняли решение...”).

Важный элемент политического ландшафта столицы — памятники событиям далекого и недавнего прошлого, выдающимся политическим и военным деятелям, писателям и композиторам, актерам и ученым. Выбор этих событий и фигур обычно носит политический характер и отражает ориентации властей, идеологические предпочтения разных периодов и разнообразие политических течений.

Во-вторых, обязательной частью анализа городского политического ландшафта выступает *интерпретация* исторических событий и наследия выдающихся персоналий. Со временем она может меняться. Известный пример — отношение

к одному из самых крупных административных зданий в мире, Дому народа, ныне Дворцу парламента в Бухаресте, возведенному в 1980-х годах по инициативе Н. Чаушеску и призванному олицетворять величие его фигуры и выстроенного им режима. Почти законченный ко времени его свержения и расстрела в 1989 г., этот дворец ныне стал символом тоталитаризма и градостроительного произвола.

Смены политического курса или сдвиги в массовых представлениях приводят иногда к сносу памятников, иллюстрацией чему служит недавнее разрушение монументов деятелям Гражданской войны в США, “ленинопад” и уничтожение монументов советским воинам в ряде стран Центральной и Восточной Европы. Но некоторые разрушенные памятники представляют собой настолько значимые символы, что их восстанавливают в прежнем виде или в иной форме — например, храм Христа-Спасителя в Москве и памятник Александру II около него.

Официальную, поддерживаемую властями трактовку материальных символов или связанных с ними нарративов далеко не всегда разделяют все социальные группы. Многообразие интерпретаций способствует сложная и все более дифференцированная социальная структура, в том числе и пестрота этнического состава населения крупных городов, полифония их политических взглядов и отношения к прошлому. Более того, разные материальные символы в городском ландшафте изначально адресованы разным аудиториям. Например, космополитический ландшафт деловых центров — среда обитания отечественных и иностранных компаний, высокооплачиваемых менеджеров и других офисных служащих, а некоторые части исторического центра, окрестности известных памятников превращаются в туристические кварталы, наделенные сильной национальной символикой.

В-третьих, в изучении городского политического ландшафта существенную роль играет анализ дискурса — *создания и распространения нарративов* путем включения информации о сооружениях и памятниках в туристические путеводители, отражения в кинофильмах и художественных произведениях, проведения или общественного поощрения связанных с монументами ритуалов: возложения цветов, посещения иностранными делегациями во время официальных визитов или свадебными процессиями (например, могилы Неизвестного солдата в Москве), организации фестивалей, парадов и демонстраций. Такой анализ показывает используемые властями и другими акторами пути укрепления или изменения восприятия и интерпретации материальных символов.

МОДЕРНИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ МОСКВЫ: ЗДАНИЯ ОРГАНОВ ФЕДЕРАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Известный французский географ Поль Клаваль (2010) выделил “тяжелые” и “легкие” столицы. К тяжелым он отнес крупные центры, обладающие высоко диверсифицированным хозяйством, в том числе всеми или преобладающей частью столичных функций, далеко опережающие по численности населения другие города страны и возглавляющие государства с исторически сложившейся централизованной системой. Легкие столицы расположены в городах, выполняющих главным образом столичные функции, в том числе специально для этого созданные, сопоставимые по числу жителей другим городам страны или уступающие им, нередко находящиеся в сравнительно недавно сложившихся государствах с федеративным устройством (Вашингтон, Рим, Бразилиа, Претория и др.).

Москва, наряду с Парижем или Лондоном, — типичный пример тяжелой исторической столицы высокоцентрализованного государства. Она всегда была средоточием национальных символов России и, даже потеряв столичные функции более чем на два столетия, оставалась бесспорным вторым по политическому и культурному значению центром страны. Возвращение столичных функций в 1918 г., экономическая разруха во время Гражданской войны и коллективизация в начале 1930-х годов, вытолкнувшие из сельской местности миллионы людей, резко ускорили рост населения Москвы. Ее облик претерпел коренные изменения, в немалой степени связанные с идеологической основой советского государства. Главный центр страны должен был стать в первую очередь “политическим манифестом” режима, а также городом нового типа, не знающим социальной сегрегации. Советская столица стала площадкой реализации амбициозных проектов, демонстрирующих преимущества и достижения социализма, радикальную модернизацию всех сторон общественной жизни, величие и мощь обширной многонациональной державы. Градостроительной политике Москвы, разработке генеральных планов ее развития и созданию “принимающей среды” в терминах Ж. Готтманна (1973) — офисных зданий, гостиниц, общественных пространств и прочей инфраструктуры — высшие руководители Советского Союза уделяли пристальное внимание, и ни одно важное решение не принималось без их непосредственного участия.

Уже в первые десятилетия советской власти в Москве были проложены парадные магистрали, обрамленные монументальными общественными и жилыми зданиями. Авторами их проектов стали лучшие отечественные и мировые архитек-

торы (Ле Корбюзье и др.), участие которых в преобразовании столицы должно было также способствовать разнообразию облика города и формированию его нового имиджа за рубежом. Широкие проспекты и парадные площади пролегали на месте сотен церквей, монастырей, ценных памятников истории и культуры, не сочетавшихся с коммунистической идеологией и просто мешавших строительству. В эпоху “зрелого” сталинизма яркие архитектурные эксперименты первых лет советской власти сменила приверженность помпезной неоклассической эклектике, называемой сталинским ампиrom, соединившим элементы ренессанса, позднего классицизма, ар-деко и неоготики, и опора почти исключительно на отечественных архитекторов и градостроителей.

В то же время столица должна была сохранять в своем облике и некоторые элементы традиционной культуры как опоры национальной и этнической идентичности. Центром власти стала резиденция царей — Кремль. Наркоматы (Народные комиссариаты), позже переименованные в министерства, расположились неподалеку от него. Массивный Государственный плановый комитет (Госплан) “задавил” кажущееся теперь совсем скромным здание бывшего Благородного собрания (в 1917 г. переименован в Дом Союзов), построенное в стиле классицизма в конце XVIII в., в котором по традиции проходили церемонии прощания с советскими вождями.

Особое значение придавалось мегапроектам. Наиболее известный из них — так никогда и не построенный Дворец Советов высотой 415 м на месте взорванного в 1931 г. самого крупного православного храма в стране — Храма Христа Спасителя. К счастью, не был реализован монструозный проект здания Наркомата тяжелой промышленности на Красной площади, который лишил бы Москву ее исторического облика.

В послевоенные годы, в период биполярного мира, Москва стала не только “первой в мире страной победившего социализма”, но и одним из главных мировых политических центров, столицей всего “Восточного блока”, к которому с конца 1950-х — начала 1960-х годов примкнуло немало стран социалистической ориентации. Новый статус Москвы как столицы социалистического лагеря также нашел отражение в ее политическом ландшафте. В эффектном месте на берегу Москвы-реки в конце Нового Арбата был построен комплекс зданий Совета экономической взаимопомощи.

Очередным мегапроектом и символом модернизации стали сооруженные в начале 1950-х годов увенчанные шпилями семь высотных зданий, напоминающие американские небоскребы. Эти высотные здания, два из которых предназначались для правительственных учреждений — Ми-

нистерства иностранных дел и Министерства путей сообщения, надолго стали архитектурными доминантами города и элементами его бренда. В середине 1960-х годов в центре Москвы, как и в некоторых европейских городах, была пробита новая магистраль — проспект Калинина, ныне Новый Арбат, застроенная высотными каркасно-панельными зданиями в свойственном тому времени минималистском стиле советского архитектурного модернизма. В некоторых из них разместились общесоюзные отраслевые министерства.

Бурный рост периферии города не мешал возведению представительных зданий для партийных и государственных органов, как правило, в центре. Здания для них на месте снесенных кварталов строили вплоть до конца советской власти, в том числе здание Министерства обороны на Арбатской площади, Правительства РСФСР — на набережной Москвы-реки и т.п.

В современной России подавляющее большинство федеральных министерств и ведомств по-прежнему расположено в Москве. Хотя в начале 2000-х годов из столицы были перенесены Конституционный суд, органы управления Московской областью и ряд головных офисов крупных компаний (Газпром, ВТБ и др.), заметной децентрализации управленческих функций не произошло.

Размещение зданий федеральных министерств и ведомств в значительной степени унаследовано от позднесоветского периода. Все крупные столичные сооружения сохранили административные функции: в комплексе зданий ЦК КПСС размещается Администрация Президента РФ. ФСБ унаследовала комплекс советской спецслужбы, значительно расширенный в последние десятилетия советской власти; Правительство России — Правительство РСФСР. Помещение Госплана заняла Государственная Дума и т.п. В непосредственной близости к Кремлю (Старая, Новая и Лубянская площади) располагаются министерства и агентства, находящиеся в ведомстве Президента и Правительства РФ. Этот участок характеризуется высокой плотностью органов управления разных категорий, преобладанием зданий дореволюционной эпохи, которые не были изначально спроектированы для выполнения административных задач (рис. 1). Высокая плотность застройки в центре часто не позволяла реализовывать специализированные проекты для ведомств. Среди 12 ведомственных строений только Государственная Дума размещается в здании, которое было возведено в начале советского периода и с самого начала использовалось для административных целей (с 1935 по 1937 г. в нем размещался Совет труда и обороны, до 1946 г. — Совнарком СССР, до 1991 г. — Совет Министров, а затем Госплан СССР).

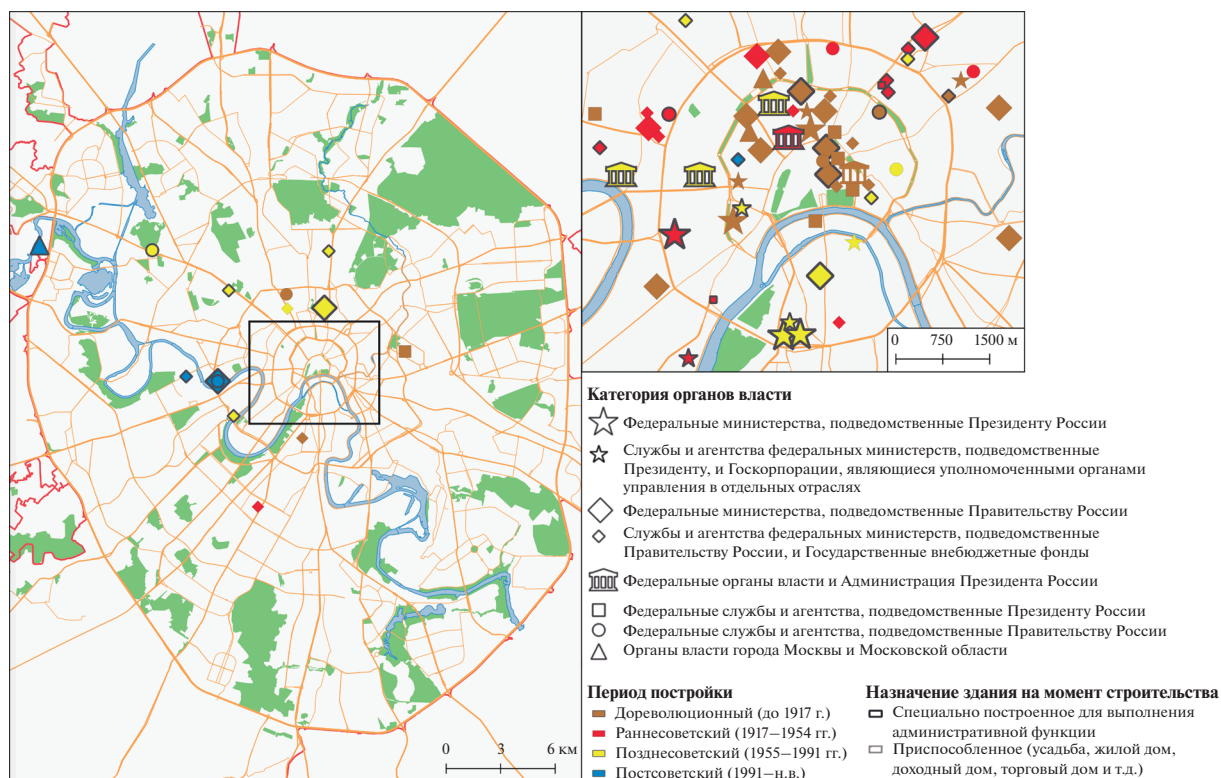

Рис. 1. Размещение органов федеральной и региональной власти в Москве.
Составлено авторами по материалам сайта How old is this house.

Зона концентрации зданий органов федеральной и региональной власти тяготеет к Кремлю, участку столичного центра между Бульварным кольцом, Моховой улицей, Театральным и Китайгородским проездами, Старой и Новой площадью (рис. 2). На востоке, в Басманном районе и Николаевской горке их концентрация значительно ниже, так как в дореволюционный период здесь размещались в основном жилые дома. Кроме того, исторически западная часть города являлась более привилегированной, и расположенные здесь дворянские и купеческие усадьбы с точки зрения функциональности и эстетики были более привлекательны для размещения органов управления. Скопление зданий органов федеральной власти в северном направлении также обусловлено историческими фактором развития города и его застройки в дореволюционный период в направлении к столичному в тот период Санкт-Петербургу. В этой части Москвы в целом сложно было вести интенсивное строительство крупных по площади объектов, необходимых для размещения ведомственных органов, ввиду высокой плотности застройки домами дореволюционной эпохи, немалая доля которых — объекты культурного наследия. Поэтому из 16 объектов на этом участке 11 — приспособленные здания.

Плотность размещения правительственных зданий между Бульварным и Садовым кольцами значительно ниже. Почти все они были построены в советский период и с самого начала предназначались для выполнения административных функций (например, здание Верховного суда, Министерства иностранных дел и Федерального агентства по атомной энергии, преемника Министерства среднего машиностроения СССР). Размещенным в этой зоне крупным министерствам и ведомствам отведены отдельные большие по площади здания ввиду многочисленного персонала, широкого объема и значимости функций.

За пределами Садового кольца в основном расположены агентства и службы, стоящие ниже в неофициальной иерархии федеральных учреждений (см. рис. 1). Но их локализация не случайна. Например, Федеральное медико-биологическое агентство находится в сложившемся в середине XX в. кластере медико-биологической направленности в Щукино, а Росавиация и Ространснадзор, входящие в систему Минтранса, располагаются вблизи авиационного комплекса имени С.В. Ильюшина и бывшего аэродрома на Ходынском поле.

Постсоветские изменения в размещении зданий органов федеральной и региональной власти связаны также с созданием делового центра Москва-Сити, который начали возводить в райо-

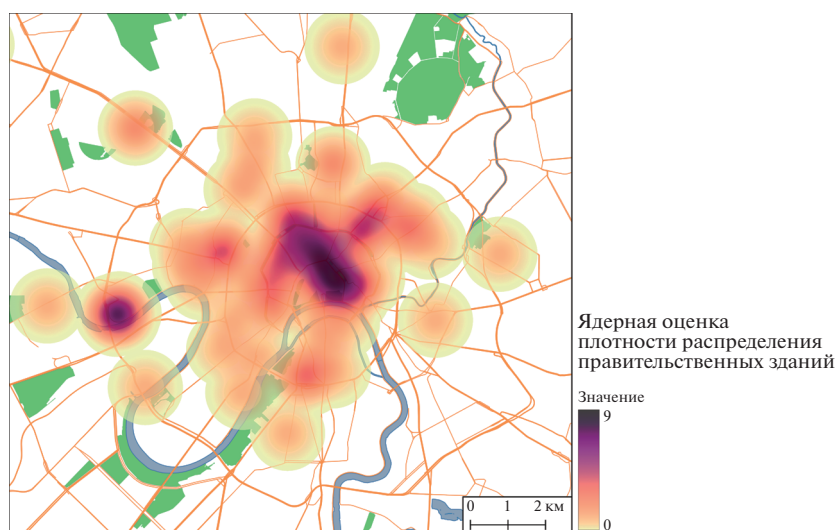

Рис. 2. Ядерная оценка плотности размещения органов федеральной и региональной власти.

Примечание: максимальное значение плотности соответствует максимальному количеству объектов в радиусе 1 км для ячейки 10×10 м.

не Пресненской набережной в конце 1990-х годов на месте старой промышленной зоны. Модернизационный порыв городских властей проявлялся в смелых футуристических и экспериментальных архитектурных формах, высотных доминантах, обширных застекленных поверхностях³ (Семенов, 2022). На его территории в 2017 г. был сформирован крупный кластер “IQ-Квартал”, где сейчас размещаются Минпромторг, Росстандарт, Минэкономразвития, Минцифры, а также Росаккредитация, Ростуризм и Агентство по делам национальностей.

Таким образом, в постсоветский период беспрецедентная концентрация политической жизни, финансового и человеческого капитала в Москве (Kolosov, 1997) укрепила ее роль как символа претензий России на сохранение статуса великой или по меньшей мере влиятельной региональной державы, обновления и всесторонней модернизации страны и ее интеграции в мировую экономическую систему. Москва довольно быстро вошла в число глобальных городов категории А (Дружинин, 2018; Слука, 2007; Kolosov et al., 2002; Taylor et al., 2002). Этому способствовал как унаследованный от советского времени уникальный для России по богатству и разнообразию человеческий капитал, обширное культурное наследие, так и быстро приумноженные традиции и инфраструктура взаимодействия с зарубежными партнерами (столица оставалась главной в СССР “форточкой” во внешний мир). Москва предстает в

дискурсе властей⁴ как уникальный город, арена реализации самых смелых проектов. Модернизацию, масштабы и величие страны призваны демонстрировать новые мегапроекты (ландшафтный парк у стен Кремля в Зарядье, небоскреб “One Tower” в Москва-Сити и др.). К числу наиболее поздних и немногих проектов, реализованных далеко за пределами исторического центра, относится похожий на гигантский неопознанный объект или экзотическую цитадель региональный центр власти — Дом правительства Московской области в Мякининской пойме (2004–2007 гг.). Формально он находится в Красногорске, фактически давно сростемся с Москвой.

ПАМЯТНИКИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ МОСКВЫ

В числе 800 памятников с политической коннотацией важное место принадлежит монументам, посвященным героям и событиям Великой Отечественной войны. На них приходится 45% от общего числа объектов, представленных в базе. Памятники этой тематики являются одной из безусловных доминант политического ландшафта Москвы, причем не только города в целом, но и большинства ее административных округов. Хотя значительная их часть (58%) была сооружена в позднесоветское время (рис. 3), новый бум возведения таких памятников начался примерно в 2000-х годах. В этот период символ Великой По-

³ <https://vestnikstroy.ru/articles/ratings/20-krupneyshikh-stroek-moskvy-za-poslednie-10-let/> (дата обращения 26.01.2022).

⁴ <https://www.sobyanin.ru/achievements/bestcity2022> (дата обращения 26.02.2023).

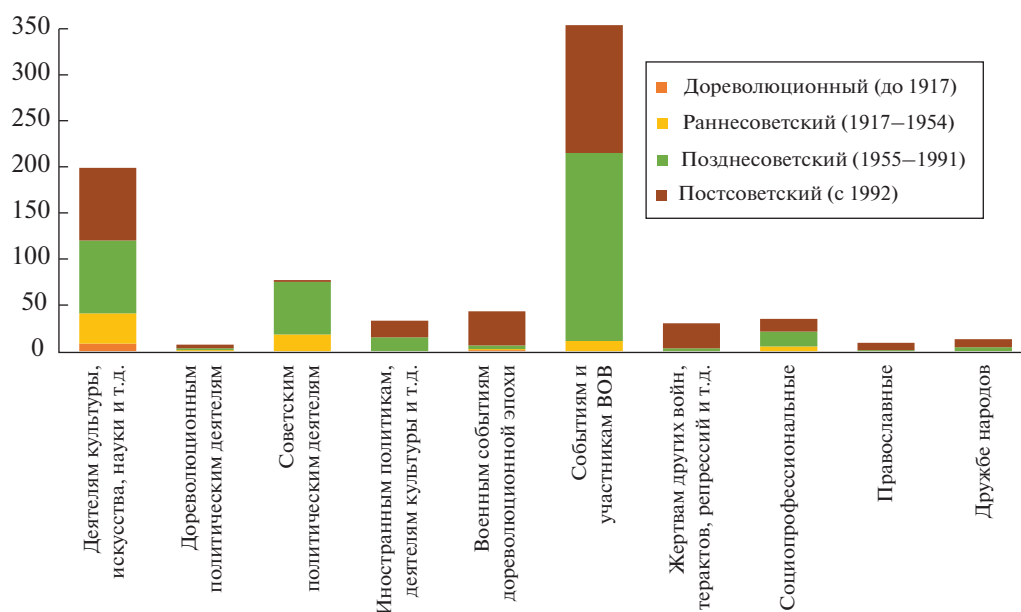

Рис 3. Количество памятников разных категорий по периодам возведения, ед.
Составлено авторами по: (Памятники ..., 2016).

беды как основательно укорененный в массовом сознании стал важным символическим ресурсом и опорной конструкцией современной российской идентичности (Малинова, 2015). С середины 2000-х годов он стал широко использоваться в различных политических контекстах, в том числе материализоваться в монументах. Треть всех памятников, посвященных событиям войны, датируется 2000–2015 гг. (см. рис. 3). В то же время такое обилие памятников не означает их повсеместного доминирования в политическом ландшафте столицы. Например, в Центральном административном округе, где почти половина их посвящена деятелям культуры и искусства разных эпох, доля монументов Великой Отечественной войны не превышает десятой части. Только в округах Новой Москвы – Троицком и Новомосковском, памятники военной тематики абсолютно преобладают (соответственно 70 и 90% всех памятников), в том числе за счет большого числа памятных стел и обелисков, возведенных вдоль автомобильных дорог или в городских муниципалитетах округов на фоне довольно разреженного политического ландшафта в целом. Концентрация памятников в целом снижается по мере удаления от МКАД – старой границы города. Большая часть памятников маршалам и генералам, прославившимся во время войны (Г.К. Жукову, К.К. Рокоссовскому, И.С. Коневу, А.П. Белобородову, П.С. Рыбалко, Д.М. Карбышеву и др.), установлена в период с конца 1960-х до 2010-х годов на одноименных новых улицах в застраивавшихся тогда окраинных микрорайонах на северо-западе Москвы – районе, где историче-

ски располагались военные части, склады, стрельбища и т.д.

На втором месте по численности с большим отрывом (25%) – памятники деятелям искусства, культуры и науки, медицины и спорта всех эпох, возведенные преимущественно в позднесоветский и постсоветский период. На третьем месте (около 10%) – В.И. Ленину, другим революционерам, руководителям коммунистической партии и другим деятелям, входившим в пантеон советских героев (С.М. Кирову, Ф.Э. Дзержинскому, Н.К. Крупской и др.). Таких памятников после 1991 г. больше не устанавливали, за исключением памятников А.Н. Косыгину и М.А. Лапину (2008–2009 гг.).

В отличие от Великой Отечественной войны монументы, посвященные Отечественной войне 1812 г., не так сильно выделяются в монументальном политическом ландшафте столицы. На обелиски ее участникам приходится всего 3% стольких памятников. Они появились преимущественно в постсоветский период при подготовке к 200-летию юбилею этой войны и концентрируются вдоль Кутузовского проспекта около Музея-панорамы Бородинской битвы, а также в местах знаменитых сражений на территории Новой Москвы.

Памятников героям Первой мировой войны еще меньше, и почти все они были установлены в конце 1990-х – начале 2000-х годов на территории Мемориально-паркового комплекса на месте Братского кладбища в районе Сокол.

Аналогичный пример почти одновременно и целенаправленно созданного в 1967 г. кластера — пешеходная Аллея героев-космонавтов вблизи ВДНХ и Монумента покорителям космоса высотой 107 м, в стилобате которого размещен Мемориальный музей космонавтики.

Монументов дореволюционным политическим деятелям и царствующим особам в российской столице совсем немного, и почти все они установлены в постсоветский период (см. рис. 3). Распад Советского Союза означал в первые постсоветские годы переоценку прошлого, пересмотр символического наследия и пантеона героев. Радикальной декоммунизации, однако, не произошло, хотя ряду улиц города вернули исторические названия. Некоторые политические фигуры, деятели культуры и искусства дореволюционной поры были “реабилитированы” — им были возведены или восстановлены памятники (например, Александру I, Александру II, П.А. Столыпину и др.). Таким образом, за первые четверть века после распада СССР политический ландшафт Москвы изменился незначительно.

На монументы иностранным деятелям культуры, искусства, науки и политики приходится всего 5% памятников. Если по доле памятников этой категории позднесоветский и постсоветский периоды практически не различаются, то в их составе произошли заметные изменения. До 1991 г. памятники устанавливали в основном зарубежным революционерам, лидерам национально-освободительных движений или коммунистических партий (К.Ф. Амадору, С. Адилу, Г.М. Димитрову, Э. Тельману и др.). В постсоветский период были возведены памятники иностранным политикам иной политической ориентации, а также писателям и поэтам (Ш. де Голлю, А. Линкольну, В. Гюго, Д. Алигьери, Ч. Диккенсу, А. Навои и др.). Значительная часть этих памятников была установлена в 1994–2006 гг. во дворе Библиотеки иностранной литературы им. Рудомино как дар иностранных научных и культурных центров или отдельных регионов зарубежных государств. После открытия в 2009 г. памятника американскому поэту Уолту Уитмену на территории МГУ в качестве жеста благодарности американского народа за памятник А.С. Пушкина в Вашингтоне случаи возведения памятников этой категории стали буквально единичными. В их числе памятник Ч. Айтматову, И. Каримову, а также Ф. Кастро, установленный в 2022 г. под лозунгом его “беззаветной борьбы за торжество идей добра, мира и справедливости, за свободу угнетенных народов, за достойную жизнь для простых людей и социальное равенство”⁵. Памятник же У. Шекспиру, который собирались от-

крыть на Варварке в 2019 г. по инициативе Британского Совета, так и не установили.

Еще одна категория памятников, так или иначе связанных с международными отношениями, включает монументы, посвященные дружбе народов. В советское время были установлены памятники венгеро-советской дружбе и 200-летию присоединения Грузии к России. В начале постсоветского периода, в 1990–2000-х годах число памятников этой категории заметно умножилось, но с 2010-х годов их больше не появлялось.

Вместе с тем апелляция к историческому прошлому России постепенно набирала силу. В период руководства городом мэра Ю.М. Лужкова реакцией на тяжеловесность советского модерна стал так называемый лужковский эклектический стиль, включавший обильный декор в виде башенок, карнизов, колонн и разнообразных элементов “русского стиля”. Ему соответствует памятник Петру Первому работы скульптора З. Церетели, один из самых высоких в России, вызвавший возмущение и протесты не только экспертов и жителей города, но и депутатов Московской городской думы. Он был включен в список самых уродливых сооружений мира, заняв в нем десятое место (Бочаров, 2005).

Как показывает ядерная оценка плотности распределения памятников (рис. 4), 28% из них сконцентрированы в Центральном округе Москвы, где в основном находится историко-культурное наследие столицы (доля округа в населении столицы всего 6%). Как и следовало ожидать, политический ландшафт центра несравненно богаче, чем периферии, застроенной, как правило, всего лишь 40–50 лет назад. Большинство и дореволюционных, и советских деятелей культуры и искусства, военачальников, ученых, которым посвящены памятники, жили и работали именно в историческом центре. Состав памятников по категориям здесь наиболее разнообразный. Наибольшая часть (42%) приходится на монументы деятелям культуры и искусства, особенно в Тверском районе, центральной части Пресненского и в Хамовниках. Большинство памятников военным деятелям находится в Мещанском районе, а в Пресненском, главной арене революции 1905 г., более половины монументов увековечивают память о революционерах и событиях этого периода. Некоторые улицы носят имена тех, кому посвящены памятники, что и послужило одной из причин выбора места их размещения.

Подавляющее большинство монументов установлены вдоль крупных улиц — Тверской, Моховой, Бульварного и Садового кольца и др. Таким образом, эти важные элементы политического ландшафта оказываются на виду большого потока автомобилистов, пассажиров городского транспорта, пешеходов, в том числе туристов, и стало быть,

⁵ <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69914/> (дата обращения 26.08.2023).

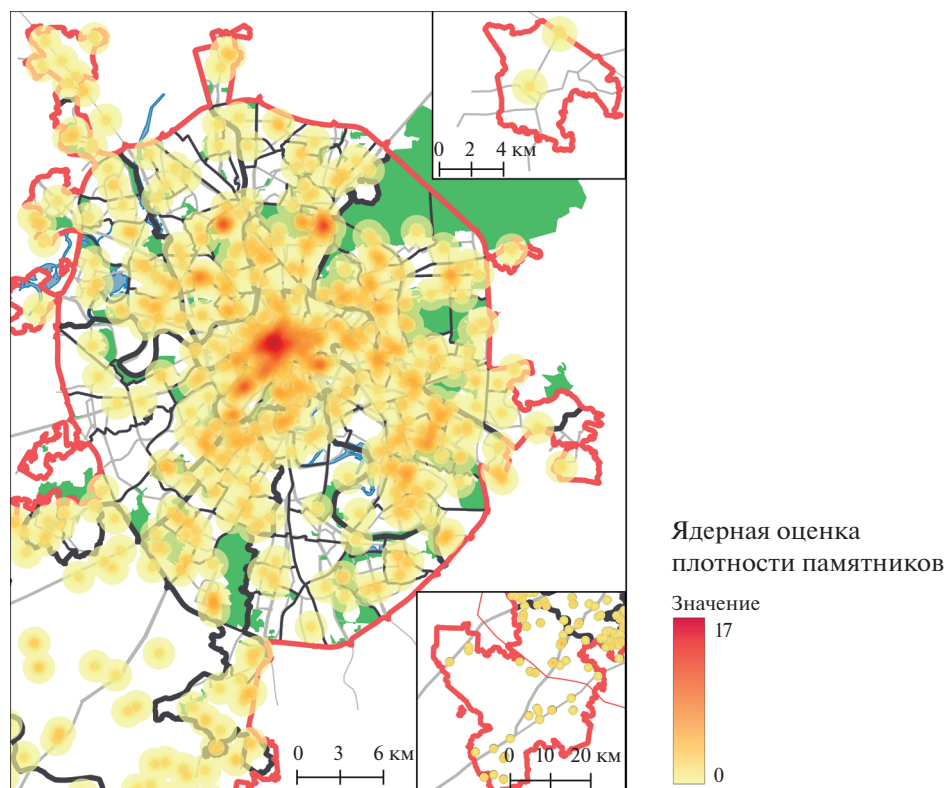

Рис. 4. Ядерная оценка плотности распределения памятников.

Примечание: максимальное значение плотности соответствует максимальному количеству объектов в радиусе 1 км для ячейки 10×10 м.

Составлено авторами по: (Памятники ..., 2016).

значительно способствуют формированию образа Москвы.

В центре расположены самые старые памятники столицы. Интерпретация ряда из них не менялась. Так, первый в городе монумент К. Минину и Д. Пожарскому, воздвигнутый в 1818 г. как вождям сопротивления против иностранных интервентов и борьбы за восстановление российской государственности, заключал в себе мощный патриотический мотив, но символизировал также народное единство (“соборность”), поскольку деятели, которым посвящен памятник, принадлежали к разным слоям общества — купечеству и дворянству. Этот символизм усиливался также тем, что памятник был построен на деньги, собранные по подписке. Прослеживался также мотив, связанный с участием К. Минина в избрании первого царя из династии Романовых. После революции 1917 г. раздался голос радикалов, требовавших демонтировать памятник, поскольку оба героя якобы способствовали удушению крестьянской войны против угнетателей. Однако возобладала главная и изначальная патриотическая интерпретация памятника (Алпатов, 1958). Он стал неотъемлемой частью хрестоматийных изображений Красной площади, размноженных в

миллионах экземпляров самых разных изданий — от школьных учебников до туристических путеводителей, но главное, телерепортажей о демонстрациях, парадах, празднествах, фестивалях и концертах на “главной площади” страны. Памятник Минину и Пожарскому стал, таким образом, элементом не только образа Красной площади и Москвы, но национального нарратива, российской и русской идентичности (Кринко, Горюшина, 2019).

Другой пример монумента с ярким нарративом, превратившимся в элемент национальной идентичности — памятник А.С. Пушкину на площади его имени (Чубуков, 1999; Балыбердина, 2012), возведенный в 1880 г., как и памятник Минину и Пожарскому, на народные деньги. С одной стороны, это связано с тем, что с творчеством Пушкина каждый советский, а затем российский школьник знакомится на протяжении всего обучения в средней школе, с другой — его известность поддерживается тиражированием портретов и фотографий чрезвычайно удачного скульптурного изображения А.М. Опекушина. Более того, образ Пушкина неразрывно слился с местом, где установлен монумент, хотя в 1950 г. памятник был перемещен на другую сторону улицы,

где раньше высилась колокольня снесенного Страстного монастыря. Пушкинская площадь — одна из самых оживленных и популярных в Москве, воспетая во многих литературных произведениях. Она известна не только как традиционное место свиданий, но и как пункт сбора участников акций советских диссидентов и манифестаций оппозиции в постсоветское время, как правило, жестко пресекаемых специальными силами полиции и вызывавших массовые аресты.

В остальной части Москвы распределение памятников по территории крайне неравномерно. Так, в Западном административном округе, где насчитывается 79 памятников, около 3/4 монументов приходится всего на два района из 13: Дорогомилово и Раменки. Первая общая закономерность — размещение памятников в кластерах, часто посвященных какому-либо периоду истории или социопрофессиональной группе известных людей. Обычно такие кластеры охватывают небольшие скверы на главных улицах или окрестности музея, или “основного” памятника. Многие памятники установлены на площадях и перекрестках, при входе в парки и на территории высших учебных заведений, предприятий, школ.

Вторая закономерность — определенная связь плотности и тематики памятников со специализацией округа. В Восточном, Юго-Восточном и Южном округах были сосредоточены крупнейшие предприятия и промышленные зоны города, и именно там близ соответствующих заводов, многие из которых ныне закрыты, немало памятников представителям рабочих профессий — металлургам, нефтяникам и рабочим нефтеперерабатывающих предприятий, передовикам производства и т.п. Самый крупный в Москве по численности населения и самый промышленный Южный округ занимает предпоследнее место по количеству памятников (32 монумента). В некоторых его районах — Нагорном, Нагатинно-Садовниках, Царицыно памятников нет вовсе.

ВЫВОДЫ

Пока еще недостаточно разработанная концепция политического ландшафта синтезирует многообразие его видимых элементов — как естественных, преобразованных в ходе деятельности общества, так и созданных человеком. Анализ сочетаний элементов политического ландшафта как социального конструкта и их происхождения позволяет выявить и его нематериальные элементы — например нарративы, на которых основываются его устойчивость, идеологические и символические функции. Поскольку политический ландшафт формируется длительное время, его анализ дает возможность также рассмотреть сочетание и использование различных слоев, сформировавшихся в разные эпохи.

Как было установлено многими учеными, в политическом ландшафте столиц видную роль играют правительственные здания и памятники. Благодаря широко известным нарративам в учебниках, СМИ и туристических путеводителях они становятся значимыми символами не только для региональной или локальной, но и национальной (общегосударственной) идентичности. Москва — главный центр политической жизни России. В основном именно в Москве произошли ключевые события конца прошлого столетия, изменившие Россию: августовский путч 1991 г., попытка государственного переворота в октябре 1993 г. и др.

Можно выделить следующие особенности российской столицы, влияющие на специфику материальных элементов политического ландшафта в сравнении с другими городами страны: 1) сильная по меркам крупных государств концентрация управленческих и финансовых функций, способствующих высокой бюджетной обеспеченности и в сочетании с представительскими функциями определяющих уникальность, амбициозность и инновационность зданий, сооружений, мемориалов и т.п.; 2) общенациональный характер символических сооружений и их направленность на формирование или укрепление национальной идентичности (пример — “главный” в России мемориал победе в Великой Отечественной войне на Поклонной горе), посвящение большинства памятников общеизвестным фигурам, входящим в пантеон национальных, а не “региональных” героев; 3) интернационализация — заметное число памятников иностранным политикам, деятелям культуры и т.п.; 4) динамизм и яркое воплощение в составе памятников национальной идеологии, отражаемой в политическом дискурсе, — например, возведение в постсоветское время монументов персонажам, причисленным православной церковью к лику святых, или российским императорам. К особенностям Москвы относятся и нестоличные черты, свойственные и другим крупным центрам страны. Во-первых, это нацеленность на “прославление людей труда”, унаследованная от социалистического периода, когда город являлся крупным промышленным центром и рабочий класс составлял значительную часть его населения. Во-вторых, следствием бурного роста числа жителей и территории города в советское время стала гиперконцентрация материальных элементов политического ландшафта в историческом центре или поблизости от него.

Можно выделить два крупных ареала сосредоточения зданий федеральных органов власти: в районе Лубянки, Китай-города, Старой и Новой площадей (преимущественно здания дореволюционной эпохи, приспособленные под выполнение управленческих функций) и в пределах делового комплекса “Москва-Сити” (престижный квартал современных небоскребов с офисами

элитного уровня). Количественная оценка размещения зданий показывает, что чем более значимы органы федеральной и региональной власти, тем они ближе размещаются к главному центру принятия решений — Администрации президента и Кремлю. Только 10% зданий, выполняющих сегодня административные функции, расположено за пределами Центрального административного округа Москвы. На кратчайшем расстоянии от Кремля расположены высшие органы законодательной, исполнительной и судебной власти, а также министерства, службы и агентства, подведомственные Президенту РФ. Важность взаимодействия наиболее значимых органов власти проявляется даже на уровне физического расстояния. Несмотря на перенос ряда федеральных ведомств в комплекс Москва-Сити и вывод правительства Московской области за пределы Москвы в 2007 г., заметной пространственной децентрализации управленческих функций пока не произошло.

Главная категория памятников Москвы (более 40%) посвящена Великой Отечественной войне и ее героям: память о Победе 1945 г. — одна из основ современной российской идентичности. География памятников повторяет общие закономерности планировки столицы: сочетание в их размещении радиально-кольцевой и секторальной структур определяет весьма отчетливые закономерности в степени разнообразия и тематике, в том числе зависимость от специализации территории. Значимость многих памятников как элемента политического ландшафта опирается на мощный многолетний дискурс. Некоторые памятники стали неотъемлемой частью хрестоматийных изображений, известных каждому российскому гражданину. Прослеживается связь плотности и тематики памятников со специализацией столичных районов: в округах, где были сосредоточены промышленные зоны, чаще воспеваются соответствующие профессии. Сохраняется концентрация тематических памятников в кластерах (Парк Победы, ВДНХ, Музей-панорама Бородинской битвы и др.) или вокруг ключевых памятников и объектов.

Монументальный политический ландшафт столицы за постсоветский период кардинально не изменился, поскольку в нем по-прежнему доминируют монументы, посвященные либо событиям и участникам Великой Отечественной войны, либо деятелям культуры и искусства всех эпох. Изменения связаны преимущественно с появлением нетипичных для советского периода памятников реабилитированным политическим фигурам дореволюционной и советской истории, иностранным политическим и культурным деятелям, а также православных монументов.

Независимо от удач мегапроектов, Москва остается одним из самых привлекательных горо-

дов на постсоветском пространстве — конечно, благодаря лидерству по уровню доходов и зарплат, широким возможностям самореализации личности, богатству и разнообразию культурной среды, но и не в последнюю очередь символическому капиталу. В постсоветский период политическими деятелями и публицистами не раз поднимался вопрос о переносе столицы в город, расположенный ближе к географическому центру России, или в новый город, построенный *ex nihilo*. Однако, помимо объективных факторов — исключительно высокой стоимости таких проектов, они пока серьезно не обсуждались, ибо образ Москвы, Кремля, Красной площади, ряда правительственных зданий и памятников — часть российской идентичности, как бы ни было распространено “москвоборчество” (или москвофобия), вызванное гиперцентрализацией страны и связанным с ней привилегированным статусом центра (Подвинцев, 2013). Покуситься на перенос столицы — значит породить риск кризиса российской государственности.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Статья подготовлена при поддержке ГЗ ИГ РАН № AAAA-A19-119022190170-1 (FMGE-2019-0008) и проекта SPACEPOL (Project-ANR-21-CE22-0023).

FUNDING

The article was prepared within the framework of the state-ordered research theme of the Institute of Geography RAS AAAA-A19-119022190170-1 (FMGE-2019-0008) and SPACEPOL project (Project-ANR-21-CE22-0023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов М.В. Русское искусство XVIII века. М., 1958. 642 с.
- Балыбердина Е.В. Пушкин: код национальной идентичности // На путях к новой школе. 2012. № 1. С. 47–49.
- Бочаров Ю.П. Трансформация столицы: от Ленина до Путина (в порядке дискуссии) // Academia. Архитектура и строительство. 2005. № 2. С. 20–25.
- Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Культурные ландшафты как объект природного и культурного наследия // Изв. РАН. Сер. Геогр. 2001. № 1. С. 7–14.
- Гайдай А.Ю., Любарец А.В. “Ленинопад”: избавление от прошлого как способ конструирования будущего (на материалах Днепропетровска, Запорожья и Харькова) // Вестн. Пермского ун-та. История. 2016. № 2 (33). С. 28–41.
- Гриценко А.А. Культурный и политический ландшафт // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь мир, 2017. С. 540–545.

- Дружинин А.Г.* Пролонгация “москвоцентричности” российского пространства: pro et contra // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 29–42.
- Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семенов. М.: Весь мир, 2017. 992 с.
- Каганский В.Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: НЛО, 2001. 576 с.
- Калуцков В.Н.* Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.
- Кринко Е.Ф., Горюшина Е.М.* События и участники Смутного времени в мемориальной культуре России // Вестн. Волгоградского гос. ун-та. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 2. С. 203–214.
- Лавренова О.А.* Стратегии “прочтения” текста культурного ландшафта // Эпистемология и философия науки. 2009. № 22 (4). С. 123–141.
- Лавренова О.А.* Ленин – жив! Памятники вождю революции в постсоветском культурном ландшафте / География искусства: многомерные образы пространства. М.: ГИТР, 2022. С. 113–130.
- Малинова О.Ю.* Великая Отечественная война как символический ресурс: Эволюция отображения в официальной риторике 2000–2010-х гг. // Россия и современный мир. 2015. № 2 (87). С. 6–29.
- Памятники монументального искусства Москвы. М.: Милк Эйдженс, 2016. 404 с.
- Подвицнев О.Б.* Вопрос о переносе столицы в современной России / Перенос столицы: исторический опыт геополитического проектирования: матер. науч. конф. (Москва, октябрь 2013) / отв. ред. И.Г. Коновалова. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2013. С. 114–119.
- Росман В.* Столицы, их многообразие, закономерности развития и перемещения. М.: Издательство Института Гайдара, 2013. 336 с.
- Слука Н.А.* Глобальный город: теория и реальность. М.: Аванглион, 2007. 243 с.
- Туровский Р.Ф.* Политический ландшафт как категория политического анализа // Вестн. Моск. ун-та. Серия 12. Политические науки. 1995. № 3. С. 33–44.
- Чубуков В.В.* Всенародный памятник Пушкину: 200-летию А.С. Пушкина посвящается. М.: “Тверская, 13”, 1999. 160 с.
- Adams P.C., Lavrenova O.A.* Monuments to Lenin in the post-Soviet cultural landscape // Social Semiotics. 2022. Vol. 32. № 5. P. 708–727.
- Agnew J.* Space and Place / J. Agnew, D. Livingstone (Eds.). The SAGE handbook of Geographical Knowledge. London: Sage, 2011. P. 316–330.
- Bellentani F.* The Meanings of the Built Environment a Semiotic and Geographical Approach to Monuments in the Post-Soviet Era. Berlin: De Gruyter Mouton, 2021. 188 p.
- Berlin–Washington, 1800–2000: Capital Cities, Cultural Representations, and National Identities / A.W. Daum, C. Mauch (Eds.). NY: Cambridge Univ. Press, 2007. 318 p.
- Claval P.* Les espaces de la politique. Paris: Armand Colin, 2010. 416 p.
- Cosgrove D.E.* Social Formation and Symbolic Landscape. Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1998. 293 p.
- Debarbieux B.* L’espace de l’imaginaire. Essais et détours. Paris: Edition du CNRS, 2021. 312 p.
- Forest B., Johnston J.* Unraveling the Threads of History: Soviet-Era Monuments and Post-Soviet National Identity in Moscow // Annals of the American Association of Geographers. 2002. Vol. 92. № 3. P. 524–547.
- Gottmann J.* The Significance of Territory. Charlottesville, VA: Univ. of Virginia Press, 1973. 169 p.
- Hartshorne R.* The Functional Approach in Political Geography // Annals of the Association of American Geographers. 1950. Vol. 40. № 2. P. 95–130.
- Kliot N., Mansfeld Y.* The political landscape of partition. The case of Cyprus // Political Geography. 1997. Vol. 16. № 6. P. 495–521.
- KolosoV V.* Political polarization at the national and the intra-urban levels: the role of Moscow in Russian politics and the socio-political cleavages within the city // GeoJ. 1997. Vol. 42. № 4. P. 385–401.
- KolosoV V., O’Loughlin J.* Building identities in post-Soviet “de facto states”: cultural and political icons in Nagorno-Karabakh, South Ossetia, Transdniestria, and Abkhazia // Eurasian Geography and Economics. 2017. Vol. 58. № 6. P. 691–715.
- KolosoV V., Vendina O., O’Loughlin J.* Moscow as an Emergent World City: International Links, Business Development, and the Entrepreneurial City // Eurasian Geography and Economics. 2002. Vol. 43. № 3. P. 170–197.
- Pallot J.* Land Reform in Russia, 1906–1917: Peasant Responses to Stolypin’s Project of Rural Transformation. Oxford: Oxford Univ. Press, 1999. 272 p.
- Sargin G.A.* Displaced Memories, or the Architecture of Forgetting and Remembrance // Environment and Planning D.: Society and Space. 2004. Vol. 22. № 5. P. 659–680.
- Scott J.C.* Seeing like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Haven: Yale Univ. Press, 1999. 464 p.
- Scott J.C.* L’œil de l’État. Moderniser, uniformiser, détruire. Paris, La Découverte, 2021. 540 p.
- Stephens A.C.* The Persistence of Nationalism: From Imagined Communities to Urban Encounters. L.: Routledge, 2013. 162 p.
- Taylor P., Walker D., Catalano G., Hoyler M.* Diversity and power in the world city network // Cities. 2002. Vol. 19. № 9. P. 231–241.
- Thorez J.* Le développement de la nouvelle capitale du Kazakhstan, Astana / Nur-Sultan (1998–2018): croissance, capitalisation et normalisation // Cybergeog: European J. of Geography, Espace, Société, Territoire. 2019. doc. 897.
<https://doi.org/10.4000/cybergeog.32223>
- Vale L.J.* Capitals’ architecture and national identity / Minkenberg M. (Ed.). The Construction of Capitals

and the Politics of Space. NY: Oxford, Berghahn Books, 2014. P. 31–53. *Wittlesey D. The Earth and the State. N.: Holt, 1944. 618 p.*

Material Elements of the Political Landscape of Moscow as a Capital

V. A. Kolosov^{1, *}, M. V. Zotova^{1, **}, A. I. Alexandrova^{2, ***}, and A. S. Karasev^{2, ****}

¹*Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

²*Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Moscow, Russia*

*e-mail: vladimirkolossov@gmail.com

**e-mail: zotova@igras.ru

***e-mail: alkssssss@yandex.ru

****e-mail: karasyovalex@yandex.ru

The urban environment of Moscow is considered through the concept of the political landscape as a complex of environment-shaping, representative objects. The image of the capital is not only the political history of the state, captured in buildings and monuments, but also a mirror of the representations of the national elite about its social support, development prospects, the outside world, and diverse social ideas about space. Official buildings as the focus of the political and administrative functions of the capital and city monuments are shown in the study as the dominant categories of place, a matrix of new representations that determine the evolution of the urban political and symbolic landscape. The objective of the study is to trace the stages of evolution of the most important material elements of the Moscow political landscape: the location, the construction time, the origin, and other features of the buildings of state institutions and monuments. The features of the modern spatial distribution of government buildings and monuments are studied. The historical hyperconcentration of government buildings in the capital center has been confirmed. Two large areas of high concentration of government buildings are identified: around Lubyanka, Kitai-Gorod, Staraya and Novaya squares and within the Moscow City business complex, as well as the relationship between the significance of a government agency and proximity to the Presidential Administration and the Kremlin as the main centers of decision-making. Despite the transfer of several federal agencies outside the center, there has not yet been a noticeable spatial decentralization of the administrative functions of the capital. In turn, the geography of the monuments repeats the general patterns of the capital plan. Their location reveals the radial-ring and sectoral structures of the city, as well as the specialization of districts. The absolute dominants of the landscape are the monuments dedicated to the heroes and events of the Great Patriotic War (more than 40% of the total number of monuments), which is one of the basics of modern Russian identity. The importance and significance of many capital monuments as an element of the political landscape is based on a strong long-term discourse. Despite some changes (the installation of monuments to rehabilitated public and political figures, victims of new wars and terrorist acts, as well as orthodox monuments), the monumental landscape of the capital is quite stable.

Keywords: political landscape, Moscow, monuments, government buildings, capital, urban environment, image of the capital

REFERENCES

- Adams P.C., Lavrenova O.A. Monuments to Lenin in the post-Soviet cultural landscape. *Soc. Semiot.*, 2022, vol. 32, no. 5, pp. 708–727.
- Agnew J. Space and Place. In *The SAGE handbook of Geographical Knowledge*. Agnew J., Livingstone D., Eds. London: Sage, 2011, pp. 316–330.
- Alpatov M.V. *Russkoe iskusstvo XVIII veka* [Russian Art of the 18th Century]. Moscow, 1958. 642 p.
- Balyberdina E.V. Pushkin: code of national identity. *Na putyakh k novoi shkole*, 2012, no. 1, pp. 47–49. (In Russ.).
- Berlin–Washington, 1800–2000: Capital Cities, Cultural Representations, and National Identities. Daum A.W., Mauch C., Eds. New York: CUP, 2007. 318 p.
- Bellentani F. *The Meanings of the Built Environment a Semiotic and Geographical Approach to Monuments in the Post-Soviet Era*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2021. 188 p.
- Bocharov Yu.P. Transformation of the capital: from Lenin to Putin (in order of discussion). *Academ. Arkhiit. Stroit.*, 2005, no. 2, pp. 20–25. (In Russ.).
- Chubukov V.V. *Vsenarodnyi pamyatnik Pushkinu: 200-letiyu A.S. Pushkina posvyashchaet'sya* [National Monument to Pushkin: Dedicated to the 200th Anniversary of A.S. Pushkin]. Moscow: "Tverskaya, 13" Publ., 1999. 160 p.
- Claval P. *Les espaces de la politique*. Paris: Armand Colin, 2010. 416 p.

- Cosgrove D.E. *Social Formation and Symbolic Landscape*. Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1998. 293 p.
- Debarbieux B. *L'espace de l'imaginaire. Essais et détours*. Paris: Edition du CNRS, 2021. 312 p.
- Druzhinin A.G. Prolongation of the "Moscow-Centricity" of the Russian Space: Pro et Contra. *Polis. Polit. Issled.*, 2018, no. 5, pp. 29–42. (In Russ.).
- Forest B., Johnston J. Unraveling the Threads of History: Soviet-Era Monuments and Post-Soviet National Identity in Moscow. *Ann. Assoc. Am. Geogr.*, 2002, vol. 92, no. 3, pp. 524–547.
- Gaidai A.Yu., Lyubarets A.V. "Leninopad": getting rid of the past as a way to design the future (on the materials of Dnepropetrovsk, Zaporozhye and Kharkov). *Vestn. Perm. Univ.: Istor.*, 2016, vol. 33, no. 2, pp. 28–41. (In Russ.).
- Gottmann J. *The Significance of Territory*. Charlottesville: Univ. of Virginia Press, 1973. 169 p.
- Gritsenko A.A. Cultural and political landscape. In *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie* [Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopaedical Edition]. Semenenko I.S., Ed. Moscow: Ves' Mir Publ., 2017, pp. 540–545. (In Russ.).
- Hartshorne R. The Functional Approach in Political Geography. *Ann. Assoc. Am. Geogr.*, 1950, vol. 40, no. 2, pp. 95–130.
- Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie* [Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopaedical Edition]. Semenenko I.S., Ed. Moscow: Ves' Mir Publ., 2017. 992 p.
- Kagansky V.L. *Kul'turnyi landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo* [Cultural Landscape and Soviet Habitable Space]. Moscow: NLO Publ., 2001. 576 p.
- Kalutskov V.N. *Landshaft v kul'turnoi geografii* [Landscape in Cultural Geography]. Moscow: Novyi Khronograf Publ., 2008. 320 p.
- Kliot N., Mansfeld Y. The political landscape of partition. The case of Cyprus. *Polit. Geogr.*, 1997, vol. 16, no. 6, pp. 495–521.
- Kolosov V. Political polarization at the national and the intra-urban levels: the role of Moscow in Russian politics and the socio-political cleavages within the city. *Geo-Journal*, 1997, vol. 42, no. 4, pp. 385–401.
- Kolosov V., O'Loughlin J., Vendina O. Moscow as an Emergent World City: International Links, Business Development, and the Entrepreneurial City. *Eurasian Geogr. Econ.*, 2002, vol. 43, no. 3, pp. 170–197.
- Kolosov V., O'Loughlin J. Building identities in post-Soviet "de facto states": cultural and political icons in Nagorno-Karabakh, South Ossetia, Transdnistria, and Abkhazia. *Eurasian Geogr. Econ.*, 2017, vol. 58, no. 6, pp. 691–715.
- Krinko E.F., Goryushina E.M. Events and participants of the time of troubles in the memorial culture of Russia. *Vestn. Volgograd. Gos. Univ., Ser. 4: Istor. Regionoved. Mezh. Omosh.*, 2019, vol. 24, no. 2, pp. 203–214. (In Russ.).
- Lavrenova O.A. Strategies for "reading" the text of the cultural landscape. *Epistemol. Filosoph. Nauki*, 2009, vol. 22, no. 4, pp. 123–141. (In Russ.).
- Lavrenova O.A. "Lenin is alive". Monuments to the chief of the revolution in the post-Soviet cultural landscape. In *Geografiya iskusstva: mnogomernye obrazy prostranstva* [Geography of the Art: Multidimensional Images of Space]. Moscow: GITR Publ., 2022, pp. 113–130. (In Russ.).
- Malinova O.Yu. The Great Patriotic War as a symbolic resource: The evolution of display in official rhetoric in the 2000s–2010s. *Russ. Sovrem. Mir*, 2015, vol. 87, no. 2, pp. 6–29. (In Russ.).
- Pallot J. *Land Reform in Russia, 1906–1917: Peasant Responses to Stolypin's Project of Rural Transformation*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1999. 272 p.
- Pamyatniki monumental'nogo iskusstva Moskvy* [Monuments of Monumental Art in Moscow]. Moscow: Milk Agency, 2016. 404 p.
- Podvintsev O.B. The question of the transfer of the capital in modern Russia. In *Perenos stolitsy: istoricheskii opyt geopoliticheskogo proektirovaniya* [Transfer of the Capital: Historical Experience of Geopolitical Design]. Konovalova I.G., Ed. Moscow: Inst. mirovoi istorii RAN, 2013, pp. 114–119. (In Russ.).
- Rossmann V. *Stolitsy, ikh mnogoobrazie, zakonomernosti razvitiya i peremeshcheniya* [Capitals, Their Diversity, Patterns of Development and Displacement]. Moscow: Inst. Gaidara Publ., 2013. 336 p.
- Sargin G.A. Displaced Memories, or the Architecture of Forgetting and Remembrance. *Environ. Plan. D: Soc.*, 2004, vol. 22, no. 5, pp. 659–680.
- Scott J.C. *Seeing like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven: Yale Univ. Press, 1999. 464 p.
- Sluka N.A. *Global'nyi gorod: teoriya i real'nost'* [Global City: Theory and Reality]. Moscow: Avanglion Publ., 2007. 243 p.
- Stephens A.C. *The Persistence of Nationalism: From Imagined Communities to Urban Encounters*. London: Routledge, 2013. 162 p.
- Taylor P., Walker D., Catalano G., Hoyler M. Diversity and power in the world city network. *Cities*, 2002, vol. 19, no. 9, pp. 231–241.
- Thorez J. Le développement de la nouvelle capitale du Kazakhstan, Astana / Nur-Sultan (1998–2018): croissance, capitalisation et normalisation. *Cybergeog.*, 2019, no. 897. <https://doi.org/10.4000/cybergeog.32223>
- Turovsky R.F. Political landscape as a category of political analysis. *Vestn. Mosk. Univ. Ser. 12: Polit. Nauki*, 1995, no. 3, pp. 33–44. (In Russ.).
- Vale L.J. Capitals' architecture and national identity. In *The Construction of Capitals and the Politics of Space*. Minkenberg M., Ed. New York, Oxford: Berghahn Books, 2014, pp. 31–53.
- Vedenin Yu.A., Kuleshova M.E. Cultural landscapes as an object of natural and cultural heritage. *Izv. Akad. Nauk., Ser. Geogr.*, 2001, no. 1, pp. 7–14. (In Russ.).
- Wittlesey D. *The Earth and the State*. New York: Holt, 1944. 618 p.